

УТВЕРЖДАЮ:

И.о. проректора по научной работе
ФГБОУ ВО «РГПУ им. А.И. Герцена»
доктор педагогических наук, профессор
В.В. Лаптев

«02» 09 2016 г.

ОТЗЫВ

Ведущей организации ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» на диссертацию

Личак Наталии Алексеевны

«ОРГАНИЗАЦИЯ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ИСКУССТВА
И СТАРИНЫ В 1920–1930-Х ГОДАХ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ГУБЕРНИЙ

ЦЕНТРАЛЬНО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ОБЛАСТИ)»,

представленную на соискание ученой степени доктора культурологии
по специальности 24.00.01 – теория и история культуры

Тема диссертации представляется актуальной по нескольким причинам. Во-первых, с точки зрения воссоздания реальной сложности процессов охраны памятников и музейного строительства в 1920-е-1930-е годы. Во-вторых, в связи с потребностью концептуализации культурного наследия и анализа принципов отбора и классификации, лежавших в основе политических решений, практической деятельности и личного подвижничества. В третьих, по причине большой роли архитектурно-художественного наследия и музейных коллекций избранного для исследования региона (Центральной промышленной области) в корпусе национального культурного наследия России.

Первая глава диссертации посвящена историографии вопроса, обзору источников и обоснованию методологии исследования. В историографии выделены два этапа – советский период с 1917 по 1991 гг. 9 (с. 36–52) и современный период с 90-х гг. XX в. –до настоящего времени (с. 53–64), убедительно определены их существенные особенности. Заметим, однако, что выполненный анализ историографии показывает более сложную хронологию

вопроса – деление первого (советского периода), как минимум, еще на два – период споров и поисков, период живой теоретической мысли, к которой мы обращаемся и сегодня (1920-е) и период догматизации (1930-е), волну интереса к периоду 1920-1930-х годов в 1960-х, обновление методологии во второй половине 1980-х. И это внутри одного советского периода.

Представляется, что третий параграф первой главы «Методология исследования» назван неточно. Вопросы методологии подняты, скорее, в первом параграфе – в анализе концепции культурной памяти, в раскрытии ограничений «культурной истории», в основных подходах к анализу и оценкам «культурной революции» (с. 32–35; 65–68). В третьем же представлен самостоятельный и очень важный историко-культурный сюжет – процесс формирования категориального аппарата памятникоохранной деятельности, анализ классификационных категорий и правовой регламентации с 1917 по 1930 (с. 94–120). Выполнено это очень добротню в духе исторической семантики (истории понятий), хотя и без ссылок на соответствующую методологию – с привлечением большого количества источников, с демонстрацией содержательных нюансов и того, какую роль играли рефлюксивная метафора, эвфемизм, конкретная политическая ситуация или прагматическая задача в том как сменяли друг друга понятия «памятники искусства и старины», «культурные сокровища народа», «памятники Республики», «культурные ценности» и ряд других.

Вторая, третья и четвертая главы диссертации построены по хронологическому принципу и посвящены, соответственно, началу 1920-х, 1920-м, 1930- годам. В каждой главе затронуты вопросы системы органов охраны памятников, взаимоотношения центральных и местных органов власти, степень самостоятельности местных органов власти в принятии решений. В каждой главе охарактеризованы ведущие события в области политики наследия, фигурируют истории отдельных памятников и музеев, представлены личности, благодаря деятельности которых формировались

музейные коллекции, изучались памятники или, напротив, снимались с охраны и даже разрушались.

Во второй главе, посвященной началу 1920-х гг., дан анализ институционального аспекта памятникоохранной деятельности – показаны взаимоотношения организационных структур, которые, как отмечает А.И. Личак, «подчас носили временный, чрезвычайный характер» (с. 130). Показаны взаимосвязи центральных и местных органов, формы самоорганизации памятникоохранной деятельности, вопросы формирования разветвленной музейной сети региона. Важно, что показана сложность и нелинейность процесса формирования системы охраны памятников.

В главе охарактеризована деятельность Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины (Музейного отдела Главнауки Наркомпроса), Народного комиссариата государственных имуществ, Российской (затем Государственной академии истории материальной культуры), Главного управления научными, научно-художественными, музейными учреждениями (Главнаука) и ряда других. Показано, что «памятникоохранные органы на местах стали основным структурным звеном в формировавшейся системе органов охраны» (с. 155). Подробно охарактеризованы губернские подотделы и комиссии (при отделах народного образования губернских советов) в Ярославле, Твери, Костроме, Владимире, Переславле-Залесском, уездные подотделы, раскрыты неизвестные страницы музейного собирательства в Переславле-Залесском, Владимире. Отмечено, что местные органы нередко формировались до того, как оформлялись центральные органы, т.е. процесс охраны памятников разворачивался не от центра к регионам, а во встречном движении (с. 166). Представлено, как формировались отношения губернских и уездных органов охраны памятников и музеев с бывшими владельцами, церковными общинами, а также с центральными органами охраны памятников. Один из важных выводов заключается в том, что вполне успешное создание системы

охраны памятников и музейной сети в начале 1920-х годов опиралось на сильную дореволюционную традицию.

Третья глава посвящена мероприятиям охраны 1920-х годов, которые позволяют показать всю сложность взаимоотношений центральных и местных органов охраны и специалистов. В главе речь идет преимущественно о проблеме использования памятников, основную часть которых составляли церкви и усадьбы, церковная утварь и предметы дворянского быта; их регистрации, учету, вопросам оценки художественно-исторической значимости. Автор разворачивает широкую панораму событий – открытие и закрытие новых музеев и экспозиций, превращение церквей, монастырей и усадеб как в музеи, так и в рабочие поселки, совхозы, коммуны, трудовые артели, общежития (с. 201–207, 282–285); деятельность «Союза воинствующих безбожников» по дискредитации историко-художественной значимости церквей и монастырей (с. 206–212 и далее), кампании по изъятию церковных ценностей до первых ремонтов и опытов научной реставрации архитектуры и монументальной живописи, в т.ч. реставрации икон и фресок Андрея Рублева, Феофана Грека (с. 220–222). В этой же главе охарактеризована политика распродажи за рубеж памятников старины – хотелось бы отметить взвешенный тон анализа и попытку объяснить эти действия власти, исходя из особенностей исторической ситуации. Оригинален тезис автора о том, что распродажи за рубеж в исторической перспективе оказались формой сохранения памятников, в отличие, скажем, от «реализации» – разбора церквей на кирпич, продаж предметов, оцененных как «инвентарь».

Основное значение 1920-х годов автор видит в том, что была создана система восстановительных работ в губерниях Центрально-промышленной области, были выработаны принципы учета и методы реставрационных работ, используемые и на современном этапе (с. 247).

Хотелось бы вновь отметить неточность заглавий. Так, третий параграф третьей главы «Поддержка губернскими комиссиями процесса музейфикации религиозных ценностей» посвящен кампании по изъятию

церковных ценностей. И хотя вопросы музеефикации здесь затронуты, все же основная тема – хроника кампании, система организации изъятия, особенности проведения на местах, Шуйский мятеж.

Хотелось бы также обратить внимание на соблазн переносить на изучаемую эпоху современные представления о музеях и памятниках, вряд ли разделяемые в 1920-е. Так, автор упрекает эпоху музеефикации церковной утвари в том, что «старинные иконы и священные сосуды, превращаясь в музейные объекты, теряли дух церковной жизни, ритуалов и целостность их восприятия» (с. 266). Это верно с позиций современной критической музеологии, в которой проблематизирована подлинность музейного предмета – изъятие вещи из первоначального контекста и помещение в музей может рассматриваться как утрата подлинности. С точки зрения культурной политики 1920-х замещение религиозного и богослужебного значения историко-художественным было вполне осознанной задачей. С точки зрения традиции музеефикации того времени, в т.ч. дореволюционной, – не функционирование по первоначальному назначению, а именно музей обеспечивал историческую подлинность.

Основные исследовательские сюжеты **четвертой главы** – политика сноса церквей в 1930-е годы (с. 299–320); особенности музейной работы в бывших церковных зданиях, вопросы перераспределения музейных фондов; положение дел с церковными зданиями - музеями в 1930-е годы – состояние архитектурных объектов, ремонты, реставрации (с. 332–349); система организации краеведческой работы и смена поколения краеведов и музейных работников (с. 348–383). На страницах главы рассматриваются своего рода политики парадокса – размещение антирелигиозных музейных экспозиций в церковных зданиях и в целом проблемы сосуществования мощной антирелигиозной идеологии и форм популяризации памятников церковного зодчества и иконописи. Внимание уделено экономической стороне музейной деятельности и показано, что вопросы охраны памятников в 1930-е фактически переведены на местное финансирование (с. 349–350). Показана

политика идеологического контроля и репрессий в отношении краеведов (с. 351–354, 361–367).

Стоит высказать некоторые соображения по внутренней структуре и логике текста: основное содержание параграфов представляет собой хронику исторических событий, а концептуальные обобщения вынесены в пространные выводы по главе, занимающие порой несколько страниц. При таком подходе логической основой текста и его внутренней целью становится хронология как таковая, а концептуальные тезисы «повисают в воздухе». То обстоятельство, что сведения, почерпнутые из архивов, перемежаются с данными, полученными из опубликованных источников, дополнительно подчеркивает хронологию (перечень) как ведущий внутренний мотив текста. Например, автор пишет в выводах по третьей главе, о том, что «в деятельности музеев утвердился ансамблевый метод» (с. 290), в самом же тексте об экспозиционных методах практически ничего не сказано, что не удивительно – эта тема не раскрывается хронологическим путем. А как было бы интересно показать смену «академического» подхода ансамблевым на конкретных примерах. Представляется, что более верным ходом для культурологической диссертации могла бы стать внутренняя концептуализация текста, т.е. построение текста на основании теоретической проблемы и превращение хронологии в рабочую задачу.

Огорчают некоторые неточные формулировки, например, «в данной классификации ценность памятника выступала как субъективная, оценочная категория, отражавшая, в первую очередь, вклад того или иного памятника в мировое или национальное искусство и художественную культуру» (с.329-330). В чем же тут субъективность?

Основными достижениями диссертации можно считать достоверную, основанную на богатейшем архивном материале реконструкцию деятельности по охране памятников в 1920-е – 1930-е годы в регионе, обозначенном как Центральная промышленная область; переоценку соотношения центральных и местных органов охраны и учреждений;

раскрытие экономической составляющей памятникоохранной деятельности, системы финансирования органов охраны и самой работы по выявлению памятников и формированию музеев; характеристику личного вклада некоторых специалистов и руководителей, как Н.И. Троцкая, П.Д. Барановский, А.И. Иванов и ряда других. Убедительны количественные характеристики и статистические данные, основанные на архивных материалах.

Существенных замечаний к диссертации нет, но в порядке уточнения позиции автора хотелось бы задать несколько вопросов.

1. Поскольку регион изучения достаточно большой, важно понять внутрирегиональную специфику: можно ли выделить различия между городами и губерниями изучаемого региона – как в процессе изучения и формирования корпуса памятников, так в решении их судеб. А также можно ли назвать отличия памятникоохранной деятельности в регионе по сравнению со столицами.

2. Представляется, что в процессе «массовой музеефикации» и инвентаризации церковных памятников и усадебных коллекций имел место следующий важный эффект – взору специалистов (искусствоведов, историков) в очень короткий срок открылся огромный массив невиданных прежде произведений и артефактов. Это не могло не повлечь за собой «сдвиги» в подходах к изучению искусства и истории. Разделяете ли автор это соображение, и если разделяет, может ли привести примеры новых открытий, гипотез, идей.

3. Представляется, что охрана памятников как практическая деятельность это всегда компромисс между возвышенным сознанием историка и прагматикой финансирования, нуждой перепрофилирования, нехваткой квалифицированных кадров и т.д. – автор нередко упрекает власть в утилитарном отношении к наследию. Можно ли предположить, что историческое своеобразие того или иного периода охраны есть мера компромисса (между старыми и новыми символами, между исследованием и использованием), а история

памятникоохранной деятельности это история взаимных уступок. Если автор согласен с высказанной мыслью, можно ли приложить эту идею к изучаемому периоду и региону.

Несмотря на отмеченные недочеты диссертация Н.А. Личак является серьезным научным достижением в области изучения системы охраны памятников культуры и подходов к выявлению памятников. Положения, выносимые на защиту и выводы обладают новизной, практической значимостью, свидетельствуют о личном вкладе автора в теорию и историю культуры.

Тема и содержание диссертационного исследования соответствует специальности 24.00.01 — теория и история культуры.

Содержание опубликованных по теме диссертации работ достаточно полно освещает основные положения диссертации. Научные результаты диссертационного исследования нашли отражение в 68 публикациях, в числе которых 20 публикаций в журналах, включенных в перечень российских рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных для опубликования основных научных результатов диссертаций.

Текст автореферата соответствует тексту диссертации и отражает основное содержание диссертационного исследования.

Диссертация Н.А. Личак «Организация и сохранение памятников искусства и старины в 1920–1930-х годах (по материалам губерний Центральной промышленной области), представленная на соискание ученой степени доктора культурологии по специальности 24.00.01 – теория и история культуры, по своему содержанию, структуре, завершенности, обоснованию теоретических положений и возможности практического использования результатов полностью соответствует пп. 9,10 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в части характеристики диссертации как научно-квалификационной работы, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны

теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение в области культурологии, а также содержится решение научной проблемы, имеющей существенное значение для культурологической отрасли знаний).

На основании сказанного можно заключить, что автор диссертации Личак Наталия Алексеевна заслуживает присуждения ей ученой степени доктора культурологии по специальности 24.00.01 — теория и история культуры.

Отзыв составлен доктором культурологии, профессором, профессором кафедры теории и истории культуры Ларисой Викторовной Никифоровой и доктором социологических наук, профессором, профессором кафедры теории и истории культуры Мариной Леонидовной Магидович. Заведующая кафедрой теории и истории культуры РГПУ им. А.И. Герцена, доктор искусствоведения, профессор Любовь Михайловна Мосолова.

Отзыв рассмотрен и утвержден на заседании кафедры теории и истории культуры РГПУ им. А.И. Герцена 30 августа 2016 года, протокол № 1.

191186. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д.48

Телефон (812) 232-34-95, kultus@mail.ru

Заведующая кафедрой теории
и истории культуры
РГПУ им. А.И. Герцена,
доктор искусствоведения, профессор,

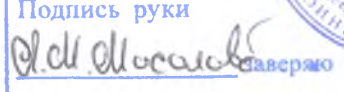

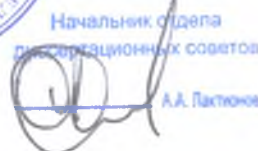
Л.М. Мосолова

Секретарь заседания кафедры теории
и истории культуры
РГПУ им. А.И. Герцена

В.Д. Данилова

Подпись руки

заверяю

Начальник отдела
диссертационных советов

А.А. Пастукова